

«ЭГОИЗМ ЕСТЬ ДОБРОДЕТЕЛЬ НАРОДОВ»: РУССКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ И СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС НА РУБЕЖЕ 1880-Х — 1890-Х ГГ.¹

Котов Александр Эдуардович

Д.и.н., профессор, Санкт-Петербургский
государственный университет
a.kotov@spbu.ru

"SELFISHNESS IS THE VIRTUE OF PEOPLES": RUSSIAN THE 1880S – 1890S.²

A. Kotov

Summary: The article is devoted to the relationship between the foreign policy and domestic policy agendas in the works of minor publicists at the turn of the 1880s – 1890s. The attitude towards the Slavic question was one of the lines of demarcation between different branches of post-reform Russian conservatism. One or another form of sympathy for the Slavic peoples and their liberation movement has traditionally been characteristic of national conservatism: Slavophiles and "Katkovites". Ideologists of aristocratic conservatism in the 1860s contrasted it with the concept of "national egoism", which was most clearly reflected in the slogan "Russia for Russians", first formulated by the aristocratic newspaper "Vest". The turning point in the attitude of Russian society towards the Slavs was the Russian-Turkish war of 1877–1878. In 1888, even the nationalist Russian press again began to discuss the idea of a possible Russian-Turkish union. By this time, even Russian political nationalism found K.N. Leontiev's ideas in demand and the concept of "national egoism" became an organic element of the concept of Russian identity.

Keywords: Pan-Slavism, Slavophilism, nationalism, conservatism, Balkans, Slavism.

Аннотация: Статья посвящена взаимосвязи внешнеполитической и внутриполитической повестки в трудах второстепенных публицистов рубежа 1880-х – 1890-х гг. Отношение к славянскому вопросу являлось одной из линий размежевания между разными ветвями пореформенного русского консерватизма. Та или иная форма симпатий к славянским народам и их освободительному движению традиционно была свойственна национальному консерватизму: славянофилам и «катковцам». Идеологи сословного консерватизма 1860-х гг. противопоставляли ей концепцию «национального эгоизма», наиболее яркое отражение нашедшей в лозунге «Россия для русских» – впервые сформулированном аристократической газетой «Весть». Переломным моментом в отношении русского общества к славянству стала русско-турецкая война 1877–1878 гг. В 1888 г. даже националистическая русская печать вновь начинает обсуждать идею возможного русско-турецкого союза. К этому времени даже русским политическим национализмом оказались востребованы идеи К.Н. Леонтьева, а концепция «национального эгоизма» стала органическим элементом концепции самобытности России.

Ключевые слова: панславизм, славянофильство, национализм, консерватизм, Балканы, славянство.

Историография славянского вопроса в русской общественной мысли потребовала бы отдельного очерка. Вместе с тем, несмотря на обилие работ, посвященных воззрениям ключевых мыслителей второй половины XIX в., некоторые его аспекты требуют уточнения. В данном случае речь идет о взаимосвязи внешнеполитической и внутриполитической повестки в трудах второстепенных публицистов рубежа 1880-х – 1890-х гг. Анализ этой взаимосвязи, в частности, помогает лучше уяснить контекст формирования воззрений таких крупных мыслителей эпохи, как В.С. Соловьев и К.Н. Леонтьев [13, 20].

Отношение к славянскому вопросу являлось одной из линий размежевания между разными ветвями пореформенного русского консерватизма. Та или иная форма симпатий к славянским народам и их освободительному движению традиционно была свойственна национальному консерватизму: славянофилам и «катковцам». Идеологи сословного консерватизма 1860-х гг. противопоставляли ей концепцию «национального эгоизма», наиболее яркое отражение нашедшей в лозунге «Россия для русских» – впервые сформулированном аристократической газетой «Весть» [14].

Именно неприязнь редакции «Вести» к любым про-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 23-78-10045 «Национальные движения в оптике имперской легитимности: революции, восстания, бунты, мятежи в славянских землях в риторике российской власти долгого XIX века».

2 The research was supported by RSF, project No. 23-78-10045 «National movements in the optics of imperial legitimacy: revolutions, uprisings, riots, rebellions in the Slavic lands in the rhetoric of Russian power in the long 19th century».

явлениям демократии логически вела её к неприятию одного из важнейших элементов последней: национального мессианизма, в том числе направленного на освобождение славянских народов. Задолго до В.С. Соловьева и куда более резко, чем этот философ, один из редакторов газеты, Н.Н. Юматов иронизировал над славянофильским мессианизмом: «Те самые публицисты, которые с иронией и скептицизмом указывают на жалкие мечтания “гениального” Мицкевича относительно польского народа, – народа, призванного *воскреснуть* и освободить все племена Европы из неволи, – те же самые публицисты-скептики, в свою очередь, с наивностью четырнадцатилетней католички, фанатизированной ксендзом, проповедают нам, русским, о какой-то особенной миссии русского народа [...] Миссия польского народа есть печальная фраза, но она прощительна только народу, который вымирает, ибо она напоминает собою несвязный лепет человека, находящегося в предсмертной агонии». Историческому мессианизму гибнущей Польши и разлагающейся эгалитарной Франции традиционно англофильская «Весть» противопоставляла эгоизм британского консерватизма: «Ее эгоизм вошел в поговорку; но те старомодные политики, которые осуждают ее за бессердечие, совершенно опускают из виду, что эгоизм есть добродетель народов. Народ, который великодушничают на *свой* счет, так же жалок и преступен, как отдельный человек, великодушничающий на *чужой* счет... Англичане никогда не считали себя народом-избранником какого-то непреклонного фатума, назначившего им совершить какую-нибудь возвышенную миссию. Но отсутствие кощунства в религии (политический мессианизм я считаю кощунством) и отрицание фанатизма в политике не помешало им совершить великие дела в истории народов и занять то первенствующее место, которое они в настоящее время занимают в политическом мире» [5].

Исходя из этого принципа, «Весть» еще в 1864 г. предостерегала Россию от вмешательства в дела Турции и Австрии: «Для России [...] невозможна наступательная, завоевательная и даже революционная политика, которой с таким успехом следует Луи-Наполеон. Наша политика достаточно уже обрисовалась за последнее время, – это политика в высшей степени охранительная и миролюбивая и мы всегда будем выигрывать, если станем ссылаться на трактаты [...] Славянофилы советуют нарушение Парижского трактата и утешают нас нелепою мыслью, что славяне – наши единственные союзники. Но что значит союз со славянами? Разве есть какое-нибудь славянское государство в Европе? Ведь это значит союз с идеей, союз с принципом утесненных национальностей. Союз со славянами столько же выгоден, как союз с человеком, не имеющим ни силы, ни средств. Наши родные русские люди ближе к нам, нежели турецкие славяне и не можем мы жертвовать нашими людьми и деньгами в

пользу болгар» [6].

Переломным моментом в отношении русского общества к славянству стала русско-турецкая война 1877–1878 гг. Разумеется, наиболее распространены антиславянские настроения в этот период также были среди сословных консерваторов – пусть и принадлежавших уже к иной генерации сословно-имперского консерватизма. Именно тогда В.П. Мещерский выпустил книгу «Правда о Сербии», в которой писал: «С тех пор, как я в Белграде, меня мучит другой вопрос: братья ли мы или чужие... Здесь так мало родственного, что право, не знаешь, не любите ли вы Австрию настолько же, сколько нас» [24, с. 151]. Другой консерватор, К.Ф. Головин вспоминал: «Наше сочувствие к единоверцам, в сущности, ни во что не верующими, было, с одной стороны подогрето истинными славянофилами и певшими с ними в унисон шальными дамами, а с другой – революционными поповскими нововведениями, всегда готовыми присоединиться к любому восстанию... Революционный черт пользовался им, показывая даже в иной час свое свиное копыто» [7, с. 299].

Из всех тогдашних противником славянофильского национализма наиболее известным сейчас является, конечно же, К.Н. Леонтьев. Окончательно разочаровавшись в славянофильстве после греко-болгарского церковного раскола, он утверждал, что «все славяне, южные и западные, именно в этом, столь дорогим для меня *культурно-оригинальном* смысле, суть для нас, русских, не что иное, как *неизбежное политическое зло*, ибо народы эти до сих пор в лице «интеллигенции» своей ничего, кроме пошлой и обыкновенной *современной буржуазии*, миру не дают» [22, с. 269]. Плоды освободительного движения в славянских странах, по его мнению, выглядели так: «Демократический европеизм, безверие, поругание Церкви – вот нынешняя жизнь «сюртучного» сербского общества. В этом обществе нет и тени чего-нибудь стоящего внимания с культурно-национальной стороны» [23, с. 610].

Другой близкий к покровителю Леонтьева Т.И. Филиппову публицист Н.Н. Дурново вёл активную антиславянскую пропаганду на страницах закрытой в 1886 г. газеты Восток. Но и позднее он рассуждал схожим образом: «Племенное родство, на котором наши западные славянофилы хотели бы основать большую прочность, нежели на религиозном, оказалось несбыточным. В то время, как религия связывает с Россией единоверные ей народы, племенное родство при разности верований, не связывает, а разъединяет между собой народы и делает их не только друг другу чуждыми, но и враждебными» [11, с. 130–131].

И как это нередко случается, наиболее последовательные выводы из концепции классика сделал его

посредственность ученик. В.А. Грингмут утверждал на страницах «Русского обозрения», что «в настоящее время Россия могла бы принести славянам наибольшую пользу, посвятив себя всецело своему собственному государственному и национальному возрождению» [10, с. 398]. Отмечая, что «сущность сербского и болгарского вопроса вовсе не в Фердинанде и Милане», он приводил слова одного сербского чиновника: «Россия обязана освободить нас от азиатского ига и возвратить нам наше прежнее место в Европе, мы же впоследствии выразим России нашу благодарность тем же путем: мы и ей поможем войти в нашу европейскую цивилизацию» [8, с. 374]. Из этого публицист делал следующий вывод: «Лучшие из них любят Россию, искренне сокрушаясь об ее “варварстве” и ненавидят Австрию, столь же искренне завидуя ее “цивилизации”. Любить же Россию за то, что она Россия, а не “Европа”, никто из них не может» [8, с. 376–377].

На теоретическом же уровне это вело к следующим обобщениям: «Такой народ, как сербский, столь близкий нам по языку и по вероисповеданию, совершенно чужд нам по духу, по своему характеру, по своему уму и направлению. А между тем ведь общий язык и общая вера должны бы, по теории, создавать и общие духовные интересы; если они этого не делают, то очевидно, неверна теория, и нам, следовательно, было бы непростительно подчинять такой шаткой теории наши несомненные духовные и государственные интересы. А то, что здесь пришлось сказать о сербах, применимо с небольшими изменениями и к другим южным и западным народам, так резко отличающимся от народа русского своим сухим, мелким эгоизмом, своею корыстною расчетливостью, своими узкими низменными идеалами и своим неограниченным, доходящим до болезненности политическим и иным властолюбием» [9, с. 384].

Славянофилам ставилась в вину дезориентация внешней политики государства, которая неизбежно вела к революционным изменениям внутри страны: «До 1856 г. [...] русская политика знала, что нужно делать России на православном Востоке. Все войны с Турцией велись до того времени за православную веру и православных христиан [...]. Неудачная для России война и выдвинутый императором Наполеоном III вопрос о национальностях дал возможность недалеким, а может и враждебным монархическому принципу и православию людям проводить посредством печати националистическую идею объединения всех славян [...] с тем, конечно, чтобы русский народ, подобно двадцати пяти миллионам славян западных и восточных, был наделен конституцией. В всеславянском государстве было бы неудобно русскому монарху лишать самоуправления двадцать пять миллионов славян, почему и пришлось бы распространить конституцию на русский народ» [12, с. 126].

Конечно, славянофилы не оставляли эти нападки без ответа. А.А. Киреев возражал прежде всего против отождествления панславизма с революционным движением: «Нас обвиняют в сознательном или бессознательном сочувствии нигилизму, в солидарности с нигилистами!.. Пусть укажут нам хоть одного из представителей “славянофильской” идеи, который бы не был врагом нигилизма!» [19, с. 11]. Любопытно, что если К.Н. Леонтьев и Т.И. Филиппов, говоря о болгарской схизме, видели в ней нежелательный раскол Церкви, то А.А. Киреев говорил об актуальности «стремления к соединению более или менее однородных церковных единиц», которое обусловлено «стремлением к группировке одноплеменных народностей». Публицист указывал: «И на Западе старое понятие о Государстве, рассматриваемом вне данных этнографии, отживает свой век; оно ... постепенно заменяется новым понятием племенной группы. И Бисмарк, и Кавур были совершенно правы, поняв требования своего времени и объединив первый – Германию, второй – Италию» [18, с. 26–27].

На распространённые обвинения в том, что именно славянофилы втянули Россию в ненужную войну за чужие интересы, Киреев отвечал следующим образом: «Не мы возбудили войну (в наших ли это было средствах!!), нам пришлось считаться с совершившимся фактом, не нами созданным [...] Разве другие народы не делали сто раз того же самого?... Разве в 1863 г. Австрия и Пруссия не вступились за немцев Шлезвига и Гольштейна, притесняемых (не знаем, насколько) датчанами. Отчего же именно нам, русским, запрещено сочувствовать своим братьям и единоверцам?..» [19, с. 13]. Не принимал генерал и указаний на революционный характер панславистского движения: «Восстания славян против турок нельзя уподоблять революции нигилистического характера; ведь поэтому и Дмитрий Донской, и Александр Тверской, и Иоанн III должны попасть в революционеры! Разве ханы Золотой Орды не были нашими законными владыками? Разве владычество их не было освящено временем, не было торжественно признано князьями?» [19, с. 13].

Отмечал Киреев и то, что «если болгарская интеллигенция, и то далеко не вся, относится к нам враждебно, то она не имеет значительного влияния на народ, который по-прежнему питает чувства братской любви к русским и благодарности к «белому царю», называет его своим» [16, с. 836]. Собственно, с этим не спорили и его оппоненты – однако политику независимых балканских стран определяла та самая интеллигенция, которую сам Киреев характеризовал как «совершенную гниль» [17, л. 68]. Также генерал предупреждал, что «если мы уйдем с Востока, если мы оставим без участия и защиты без покровительства территорию нашей церкви и нашего племени, ее немедленно займут наши враги и, в конце концов обратят эти юные силы против нас же самих,

окужат нас целой сетью Польш» [18, с. 72]. Впрочем, в 1880-е гг. антиславянские выпады в русской консервативной печати становятся общим местом. Большинство представителей позднего славянофильства всё больше говорят о национальных интересах – все более сближаясь в этом отношении с Катковым. Активно критиковал сербское общество хорошо его знавший П.А. Кулаковский [2]. Другой публицист славянофильского круга, Н.П. Гиляров-Платонов, в 1886 г. указывал: «Русское великодушие к славянам упраздняется самым обстоятельством, самую историей» [33, с. 83].

Особенно болезненно во второй половине 1880-х гг. воспринимались отношения с Болгарией. Славянофильским публицистам трудно было возразить что-либо Н.Н. Дурново, писавшему, что накануне русско-турецкой войны будущим противникам России «оказывали довольно щедрое материальное пособие гг. А.И. Кошелев, И.С. Аксаков, М.Н. Катков, Ю.Ф. Самарин и некоторые московские коммерсанты... Так созидалась болгарская интеллигенция, ни во что не верующая, изолированная, жаловавшаяся всем и каждому на притеснения и угнетения болгарского народа не столько турками, сколько греками, ... выманивавшая у частных лиц немало средств и оправдывавшая переход болгар в римо-католичество и протестантизм» [11, с. 4]. В 1886 г. Гиляров-Платонов отмечал: «Русской партии нет в Болгарии [...] Да и теперь болгарам в князя кого угодно, хоть даже русского великого князя, – он будет вынужден действовать против России или сойти с престола» [6, с. 203].

Это было не совсем так: «русская партия» в Болгарии имела, но была физически уничтожена [1, с. 592–630]. А.В. Богданович на страницах своего знаменитого дневника сообщала о реакции М.Н. Каткова на подавление антистамболовского мятежа и последовавшие за ним кровавые репрессии: «Смерть Бузунова на душе Каткова, он болгар все отправлял, чтобы они произвели переворот. Сколько тогда погибло приверженцев России. Я помню, как мучило Каткова, когда он узнал, что расстреляли болгар, он нам говорил, что не может спать, не может закрыть глаз, все эти несчастные стоят перед ним, что может с ума сойти» [3, л. 9]. Поэтому «Московские ведомости» писали, что «Болгария в лице своих правитель тяжко провинилась пред освободившею и облагодетельшею ее Россией и несет за это действительно тяжкую кару. Эта кара заключается единственно в том, что Россия, исполняя желание Болгарии, «оставила ее в покое». Аналогичным было отношение и к Сербии – где династия Обреновичей переориентировалась на Австрию [22, 2].

В 1888 г. даже националистическая русская печать вновь начинает обсуждать идею возможного русско-турецкого союза. Наиболее показательной нам представляется позиция газеты А.С. Суворина «Новое вре-

мя», ставшей после смерти М.Н. Каткова одновременно «флагманом» националистической прессы и самым влиятельным проправительственным частным изданием страны. Туда же перешли те из «птенцов гнезда Каткова», что занимались прежде всего вопросами внешней политики: Ю.С. Карцов и С.С. Татищев. Именно последний выступал в качестве главного теоретика «национального эгоизма» – который Карцов, в свою очередь, называл «благородным культом интересов Родины» [15, с. 44].

При этом Татищев оговаривал: «Не подумайте только, чтобы я проповедовал войну! Боже упаси! При теперешней нашей внутренней неурядице и совершенной неподготовленности внешних союзов. Я желал бы только, чтобы в сознание русских дипломатов проникло убеждение в том, что в политике нет дружбы, а есть польза; что немцы сами по себе и мы тоже сами по себе и что наконец по мудрому правилу Фридриха Великого следует “бархатные слова оплачивать бархатными же словами, а дело делом”» [31, л. 135–135 об]. Публицист многократно возвращался к словам Бисмарка, считавшего, что «система солидарности консервативных интересов всех стран есть опасная фикция»: «Единственная здоровая основа великого государства, и ею только и отличается оно от государства малого, есть государственный эгоизм, а не романтика, и недостойно великой державы, бороться за дело, не касающееся ее собств. интереса» [32, с. 50].

Наибольший интерес в контексте славянского вопроса представляет обширная работа С.С. Татищева «Россия и Болгария. Историческая справка», которая печаталась в апрельских номерах «Нового времени». В преамбуле Татищев отмечал, что «в силу своего исторического призвания Россия освобождала одну за другою христианские народности Балканского полуострова, находившиеся под господством турок». Однако, «вглядываясь в отношения, установившиеся между державою освободительницею и молодыми государствами, ею же созданными, нельзя не отметить того поразительного по своему постоянству явления, что по мере достижения независимости каждую из упомянутых стран, русское влияние в них постоянно падало, и новообразованные государства становились часто в положение даже враждебное России, которая таким образом освободительную миссию свою совершала в явный ущерб себе и своему политическому воздействию на судьбы Востока». Однако именно события в Болгарии, по мнению Татищева, превышали «всякую меру политической благопристойности» – и требовали как анализа просчетов, так и альтернативной политической доктрины [26].

Главным объектом своей критики Татищев, по обыкновению, избрал Министерство иностранных дел и те общественные силы (включая славянофилов), что пытались проводить «благотворительную» внешнюю по-

литику. Настаивая на катковской концепции политики национальных интересов, в последней из вышедших на страницах «Нового времени» заметок Татищев утверждал, что на Константинопольской конференции, следовавшей за объединением Болгарии, Россия должна была отказаться от соблюдения Берлинского трактата. Татищев считал, что «Берлинский трактат пагубен для России не столько теми или другими из отдельных его условий, сколько подтверждением начала, провозглашенного впервые парижским договором 1856 года, начала, в силу коего, Россия лишена права самостоятельно ограждать и защищать свои интересы на Востоке, а обязалась все относящиеся до Балканского полуострова дела обсуждать и решать не иначе, как сообща с прочими державами, участницами обоих трактатов. Таким образом, упразднение берлинского договора имело бы прямым последствием возвращение России утраченной ею свободы определять свои отношения к балканским государствам сообразно собственным нуждам и пользам, не справляясь с мнением великих держав и не стесняясь так называемым «европейским концертом», который, по справедливому замечанию Аксакова, «вообще всегда был не чем иным, как заговором, направленным против интересов России, причем все участники концерта, кроме России, как римские авгуры перемигивались насмешливо между собою». Как следствие, «выгоды, проистекающие для России от возвращения ей полной свободы действий на Востоке, до того очевидны и неисчислимы, что разумная и патриотическая дипломатия обязана была бы поставить достижение такой свободы целью своих усилий и не только не устранять усложнения, к ней ведущие, но напротив, по возможности вызывать их. Так, вероятно, и поступили бы наши дипломаты, если бы по какому-то непонятному ослеплению, не усматривали в берлинском трактате палладиум европейского мира, провозглашаемого ими высшим интересом и конечною целью русской политики» [27].

На последней из процитированных рекомендаций публикация в «Новом времени» оборвалась. Оставшаяся часть «исторической справки» – прямо в газетных гранках – вышла в том же году отдельной брошюрой. В ней Татищев еще раз указывал на главный источник внешнеполитических провалов России – «политику отвлеченных начал», основанную на «великодушии и бескорыстии»: «Она имеет целью на Западе – мир и благоденствие Европы, на Востоке – счастье и процветание христианских племен, его населяющих. В этом отношении ... Сан-Стефанский договор и Берлинский трактат – плоды одного и того же древа» [30, с. 50]. Татищев указывал на «инородцев и иноверцев», завладевших «внешними сношениями России» и внесшими в них «пустоту внутреннего содержания», «посредственность и бездар-

ность» [30, с. 51]. Болгарии же публицист предлагал навянуть «союзную конвенцию», гарантировавшую «чтобы Болгария не являлась притоном для наших внутренних врагов и не обращалась в орудие против нас в руках врагов внешних» [30 с. 53].

В конце 1888 г. на страницах «Нового времени» появляется статья «Русская государственная идея и магометанство». Ее автор утверждал: «Хотя Россия государство по своему существу христианское, но это не мешает ее мусульманским подданным служить ей верою и правдою. Повоевав с Россией, мусульмане видят в ее торжестве проявление Божьей воли. “Не захоти того Аллах, вы бы нами не владели”, говорят они и сами очень довольны, что могут помирить свою мусульманскую щепетильность с искренним желанием примкнуть к России. Синтетичность их мировоззрения, наглядный экономический интерес, общность преданий Византии и восточных ханств – все их сблизает с русскими целями и русским государственным строем». Это, по мнению автора, предопределяло и внешнеполитические приоритеты Российской империи: «Простейшим средством разбить гордиев узел является союз России с турецким султаном» [28]. Во многом подобный «прото-евразийский» подход был связан с влиянием Ю.С. Карцова, бывшего учеником и последователем не только Каткова, но и К.Н. Леонтьева.

Показательно, что в то самое время, как последний на страницах сословно-консервативного «Гражданина» печатал свои статьи «Национальная политика как орудие всемирной революции» и «Плоды национальных движений на православном Востоке» – ставшие наиболее яркими примерами консервативной критики национализма – на страницах националистической суворинской газеты эти статьи оценивались крайне высоко, только теоретические построения Леонтьева обращались не против болгарских «буржуа», а против греческих: «Теперь греческая “интеллигенция” еще держится за патриархов, за духовенство свое и на монастыри не может посягнуть прямо, минуя турецкую, столь часто, увы, спасительную для христианства, власть! Эта самодовольная в мелком европеизме своем интеллигенция держится за церковь в Турции лишь потому, что она до поры до времени ей оплот и удобный представитель среди иноверных сил и иноплеменных влияний [...]. Некоторые же из мирских греков мечтали даже, что именно оторвавшись от славянства, они создадут новую, свою особую оригинальную религию, на том основании, что греки уже дважды дали миру две религии» [28]. Таким образом, идеи К.Н. Леонтьева оказались востребованы и русским политическим национализмом, а концепция «национального эгоизма» стала органическим элементом концепции самобытности России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: в 4 т. Т. 3. Внешняя политика императоров Александра II и Александра III. М.: Кучково поле, 2018. С.592–630.
2. Бадалян Д.А., Котов А.Э. «...Бессмыслица конституционных учреждений, перенесенных на славянскую почву»: переписка П.А. Кулаковского и И.С. Аксакова 1880–1886 гг. // Славистика. 2014. Т. XVIII. С. 557–624.
3. Богданович А.В. Дневник. 11 января 1888 // РГИА. Ф. 1620. Д. 238.
4. Весть. 1863. №18. 8 декабря.
5. Весть. 1864. № 23. 7 июня.
6. Возвращение Н.П. Гилярова-Платонова. Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2007. 440 с.
7. Головин К.Ф. Мои воспоминания за 35 лет (1859–1894). СПб.: Т-во М.О. Вольф, б. г. (2-е изд.). 684 с.
8. Грингмут В.А. (Спектатор). Наши братья // Русское обозрение. 1890. № 7. С. 360–382.
9. Грингмут В.А. (Спектатор). Сербские скандалы // Русское обозрение. 1891. № 3. С. 377–385.
10. Грингмут В.А. (Спектатор). Текущие вопросы международной политики. Восьмидесятые годы // Русское обозрение. 1891. № 1. С. 394–400.
11. Дурново Н.Н. (НД). Государства и народы Балканского полуострова, их прошедшее, настоящее и будущее и Болгарская кривда. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1890. 164 с.
12. Дурново Н.Н. (НД). Нечто о русской Церкви в обер-прокурорство К.П. Победоносцева (открытое письмо ему). Вып. 2. Лейпциг: Тип. Ф.А. Брокгауза, 1887. 21 с.
13. Жуков К.А. Восточный вопрос в историософской концепции К.Н. Леонтьева. СПб.: Алетейя, 2006. 227 с.
14. Иванов А.А. Вызов национализма: Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб.: Владимир Даль, 2016. 511 с.
15. Карцов Ю.С. Сергей Спиридонович Татищев. (Страница воспоминаний). Пг.: Товарищество газеты «Свет», 1916. 47 с.
16. Киреев А.А. В защиту «братушек» // Русское обозрение. 1890. № 8. С. 830–896.
17. Киреев А.А. Дневник // НИОР РГБ. Ф. 126. К. 9.
18. Киреев А.А. Краткое изложение славянофильского учения. СПб.: тип. А.А. Пороховщикова [и] С.-Петербург. славянского благотворительного обществ, 1896. 90 с.
19. Киреев А.А. Религиозные задачи России на православном Востоке. СПб.: С.-Петербург. славянское благотворительное общество, 1896. 49 с.
20. Киреев А.А. Славянское обозрение // Известия СПб. Славянского благотворительного общества. 1883. № 1. С. 7–19.
21. Косик В. И. Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М.: Зерцало, 1997. 240 с.
22. Котов А.Э. «Будь Катков и Аксаков в живых...»: переписка А.А. Киреева с П.А. Кулаковским (1887–1908) // Русский сборник. Т. XVI. М.: Модест Колеров, 2014. С. 134–180;
23. Леонтьев К.Н. Дополнения к двум статьям о панславизме (1884) // Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7 (1). СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 268–211.
24. Леонтьев К.Н. Плоды национальных движений на православном Востоке // Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 8 (1). СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 549–624.
25. Мещерский В.П. Правда о Сербии. СПб.: Б.и., 1877. 378 с.
26. Новое время. 1888. № 4347. 5 апреля.
27. Новое время. 1888. № 4370. 28 апреля.
28. Новое время. 1888. № 4578. 25 ноября
29. Современная летопись // Русский вестник. 1887. № 7. С. 249–270.
30. Татищев С.С. Россия и Болгария. Историческая справка. СПб.: Б.и., 1888. 56 с.
31. Татищев С.С. – Губастову К.А. 2 июля 1885 // ИРЛИ. Ф. 463. Ед. хр. 38.
32. Татищев С.С. Из прошлого русской дипломатии. СПб.: А.С. Суворин, 1890. 567 с.
33. Шаховской Н.В. Н.П. Гиляров-Платонов. Ревель: Ревельские известия, 1893. 84 с.

© Котов Александр Эдуардович (a.kotov@spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»